

DOI 10.15826/qr.2019.1.379

УДК 94(47+57)"15/16"+39(=512.145)(571.1/.5)+929.52

СУДЬБА ХАНА КУЧУМА И ЕГО ПОТОМКОВ В ПЕРИОД КРИЗИСА КОЧЕВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ*

Рец. на кн.: Тrepавлов В. В., Беляков А. В. Сибирские царевичи в истории России. – СПб. : Изд. Олега Абышко, 2018. – 496 с.

Михаил Акишин

Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия

THE FATE OF KHAN KUCHUM AND HIS DESCENDANTS DURING THE CRISIS OF NOMADIC STATEHOOD

Rev. of: Trepavlov, V. V., Belyakov, A. V. (2018). Sibirskie tsarevichi v istorii Rossii [Siberian Princes in the History of Russia]. St Petersburg, Oleg Abisko (Ed.). 496 p.

Mikhail Akishin

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

The work by V. V. Trepavlov and A. V. Belyakov is the first complex and comprehensive study of the history of Khan Kuchum and his descendants' steppe exile. It is also the first collective portrait of the representatives of the Kuchumovichy who found themselves in the Russian state. The first part of the book carries out a thorough analysis of the nomadic lifestyle of Kuchum and his descendants, and their armed raid of Yasaq and Russian settlements in Siberia in the late 16th and 17th centuries. The second part of the book considers the genealogy, everyday life, and services of the Kuchumovichy in the Russian state. The work done by the authors makes it possible to characterise the monograph as a fundamental study and an important stage in the historiography of the ethnopolitical history of Siberian Tatars. However, like any outstanding work, the monograph gives rise

---

* Citation: Akishin, M. (2019). The Fate of Khan Kuchum and His Descendants during the Crisis of Nomadic Statehood. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 337–346. DOI 10.15826/qr.2019.1.379.

Цитирование: Akishin M. The Fate of Khan Kuchum and His Descendants during the Crisis of Nomadic Statehood // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 337–346. DOI 10.15826/qr.2019.1.379 / Акишин М. Судьба хана Кучума и его потомков в период кризиса кочевой государственности // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 337–346. DOI 10.15826/qr.2019.1.379.

to a number of controversial questions related to further research strategies. The fact that the authors do not analyse Kuchum and his descendants' foreign policy and armed raids through the prism of history and law makes it doubtful that the period in question can be characterised as a "guerilla war" or that the term "war" can be applied to the sporadic raids of steppe nomads at all. Additionally, the authors do not pay enough attention to the analysis of Kuchum and his descendants' sovereign rights. Also, Belyakov's characteristic of the Kuchumovichy as "superfluous men" is debatable. Indeed, his research testifies to the fact that Kuchum's descendants were treated humanely in the Russian state. Finally, Belyakov maintains that the Genghisid automatically attracted Muslims to Russia, which allows researchers to presume that the high status and material support provided to them were a means to ensure the territorial unity of the multiethnic and multi-religious Russian state.

Keywords: Kuchum; Kuchumovichy; Siberian Tatars; Oirats; 16th- and 17th-century Russian state.

Монография В. В. Трепавлова и А. В. Белякова является первым в историографии комплексным всесторонним исследованием истории пребывания в степном изгнании хана Кучума и его потомков, а также коллективным портретом Кучумовичей, оказавшихся в Русском государстве. В первом разделе монографии проведен скрупулезный анализ кочевого уклада жизни и быта Кучума и его потомков, вооруженных набегов хана и царевичей на ясачные и русские поселения в Сибири в конце XVI – XVII в.; во втором – генеалогии, быта, статуса и служб Кучумовичей в Русском государстве. Несомненные достижения авторов позволяют оценить их исследование как фундаментальное, как важный рубеж в историографии этнополитической истории сибирских татар. Но, как и всякий выдающийся труд, монография порождает некоторые дискуссионные вопросы, связанные с поиском дальнейших путей исследования. Отказ авторов от историко-правового анализа внешнеполитических сношений и вооруженных набегов Кучума и его потомков в Сибири заставляет усомниться в квалификации этой эпопеи как «партизанской войны» и в целом в применимости понятия «война» к эпизодичным набегам степных кочевников. Авторами не уделено достаточное внимание анализу суверенных прав Кучума и его потомков. Вызывает возражения тезис А. В. Белякова о Кучумовичах в Русском государстве как о «лишних людях». Напротив, его исследование свидетельствует о гуманном отношении к потомкам Кучума в Русском государстве. Наблюдение А. В. Белякова о том, что Чингисиды автоматически становились центром притяжения мусульман в России, позволяет предположить, что высокий статус и материальное обеспечение, которые им предоставлялись, были одним из средств укрепления территориального единства многоэтничного многоконфессионального Русского государства.

Ключевые слова: Кучум; Кучумовичи; сибирские татары; ойраты; Русское государство в XVI–XVII вв.

Исследование В. В. Трепавлова и А. В. Белякова, посвященное судьбе Кучума и его потомков в конце XVI – XVII в., является важным рубежом в изучении истории сибирских татар. Эта тема ранее уже привлекла внимание Г. Ф. Миллера. В XX в. исследования этнополитической истории сибирских татар проводились в рамках программ по изучению прошлого народов нашей страны (Н. Г. Аполлова, С. В. Бахрушин, В. И. Молодин, М. А. Усманов и др.). На рубеже XX и XXI вв. на волне интереса к национальным культурам появился целый ряд выдающихся работ в этой сфере (Ф. Т. Валеева, Д. М. Исхакова, В. И. Соболева, З. А. Тычинских, Л. И. Шерстовой и др.). Однако комплексного всестороннего исследования истории кочевания Кучума и его потомков в степях Юго-Западной Сибири до работ В. В. Трепавлова создано не было. Можно отметить только исследования отдельных эпизодов этой эпопеи (труды К. В. Волковой, Е. В. Вершинина, Д. А. Васькова, А. Г. Нестерова, Д. Н. Маслюженко, В. Д. Пузанова, Я. Г. Солодкина, Ю. С. Худякова, А. Т. Шашкова и др.). До трудов А. В. Белякова история жизни Кучумовичей, вывезенных в Русское государство, была изучена крайне фрагментарно.

В. В. Трепавлов и А. В. Беляков внимательно отнеслись к трудам своих предшественников, но их исследование стало новаторским благодаря введению в научный оборот значительного массива архивных документов. Авторами был эффективно применен метод просопографии, который позволил на базе детального изучения сведений о Кучуме и его потомках создать коллективный портрет всего рода. В. В. Трепавлов на основе сведений о Кучуме, его 24 потомках-мужчинах и 12 женщинах провел исследование их жизни и быта в Сибири. А. В. Беляков рассмотрел проживание Кучумовичей в Московском государстве. Ему «удалось отождествить 91 Кучумовича. Из них выехали (были вывезены) 38 человек (22 мужчины и 16 женщин), родились в России 53 (34 мужчин и 19 женщин)» (с. 178–179)¹.

В. В. Трепавлов представляет итоги своих исследований кочевой жизни хана Кучума и его потомков после разгрома Сибирского юрта. Очерк истории столицы ханства города Искера (Сибирь, Кашлык) позволил автору поставить проблему роли городов в жизненном укладе тюрков. Он доказывает, что «масса населения Сибирского юрта занималась кочевым скотоводством, при котором в принципе не требовалось градостроительство» (с. 148). Первые города здесь появляются не ранее XIV в. В XV–XVI вв. города использовались сибирско-татарской правящей элитой, во-первых, в целях обороны своих владений и закрепления господства над подвластными землями, во-вторых, для надзора за проезжими путями. Искер выполнял также функции столицы и религиозного центра. Но в качестве резиденций сибирско-татарская элита использовала города только в зимнее время,

---

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках с указанием номеров страниц.

не оставляя «престижного кочевого образа жизни» (с. 149). Именно такие особенности жизненного уклада кочевников определили быстрое запустение их городов после разгрома Сибирского юрта.

Отдельный очерк В. В. Трепавлов посвятил кочевому образу жизни Кучумовичей. Как доказал автор, после разгрома 1598 г. они вынуждены были кочевать в верховьях Ишима и Тобола. Основой их хозяйства были скотоводство, охота и рыболовство. Эпизодически им удавалось получить ясак и поставки «одежи и корма» от сибирских татар и башкир-табынцев. Скудость ресурсов вынуждала Кучумовичей перемещаться отдельно друг от друга. Летом они вели кочевой образ жизни, зимой устраивалось подобие стационарного поселка.

Как доказывает В. В. Трепавлов, живя в степи среди ойратов, Кучумовичи представляли «собой своего рода этнокультурный сплав... потомки Кучума во втором колене на деле оказывались уже полутатарами-полукалмыками»: немногие из них носили мусульманские имена, разговаривали, как на родных, на тюркском и калмыцком языках, будучи мусульманами, участвовали в монгольских языческих, а позднее и в буддийских обрядах (с. 142–144). Скудость жизни обусловила упрощение структуры двора Кучумовичей, наиболее заметными фигурами в котором были аталыки (воспитатели ханских сыновей) и хафизы (духовные лица).

Скудость жизни обуславливала набеги Кучумовичей на русские, татарские и башкирские поселения. Как доказывает В. В. Трепавлов, на укрепленные русские города Кучумовичи, «как правило, не посягали... нападения совершались главным образом на сельские местности» (с. 137). Их целью были насильственные изъятия хлеба и скота у землепашцев, поэтому набеги всегда планировались во время или после сбора ярового и озимого урожая. При этом ученый подчеркивает, что такие нападения «были хотя и относительно частыми, но не регулярными», и «не стоит преувеличивать масштабы агрессивности Кучумовичей» (с. 133, 137).

Основной объем исследования В. В. Трепавлова посвящен изучению политических альянсов и набегов Кучума и его потомков, которые он называет «борьбой за реванш», продолжавшейся на протяжении целого столетия и «...временами напоминавшей партизанскую войну» (с. 5). При этом ученый признает, что статус хана или «царя» (то есть носителя суверенитета) признавался всеми соседними монархами только за Кучумом. Он доказывает, что провозглашение ханом Али б. Кучума было признано только татарами. Ханский титул Ишима б. Кучума он разоблачает как историографический миф (с. 89). В. В. Трепавлов доказывает, что наследники Али б. Кучума даже в татарской традиции не считались носителями ханского титула (с. 73).

Думается, этот анализ статуса Кучума и его потомков не позволяет квалифицировать их набеги как «партизанскую войну». Как установил Р. Ю. Почекаев, в Золотой Орде и возникших на ее осколках ханствах право объявления войны и заключения мира принадлежало

только хану. В конце XVI – XVII в. в Русском государстве и монгольских ханствах общепризнанной нормой было положение о том, что войну может вести только суверен.

При этом, как отмечает В. В. Трепавлов, верховная власть в России «воспринимала Кучума (во всяком случае, официально) как изменника, “государева непослушника”», который нарушил свои шерстные обязательства. Восстание тарских и томских татар в 1628–1630 гг. и башкир в 1660-х гг. также квалифицировались как «воровская шатость и измена» (с. 39, 99–102, 112–120). Кучумовичи XVII в. шерты на подданство российскому самодержцу не приносили, поэтому «государевыми изменниками» не именовались. Их вооруженные действия назывались «воровством», «войной и разореньем» волостей ясачных людей и русских крестьян. В переговорах с русскими ойратами и даже Давлет-Гирей, номинальный глава Кучумовичей, такие набеги квалифицировали как самоуправство частных лиц. Добываясь дружественных отношений с Русским государством, правители Джунгарского ханства неоднократно предлагали выдать «с головой» Кучумовичей, виновных в таких набегах.

В. В. Трепавлов доказал, что самостоятельную политику проводили только хан Кучум и его сын Али. После расправы в 1585 г. над Ермаком хан откочевал на южную окраину бывшего Сибирского юрта и на протяжении пяти лет не проявлял военной активности. В эти годы он сумел консолидировать вокруг себя двор численностью «человек с 50», до тысячи рядовых татар, ногаев, башкир, «бухарцев» и ойратов, организовал управление и налогообложение в сохранившихся ему верность степных улусах. Однако поиски казахами, башкирами и ойратами союзников для войны с русскими в Ногайской Орде и Бухарском ханстве закончились неудачно для Кучума.

В. В. Трепавлов справедливо отмечает, что угро-, тюрко- и кетоязычные племена бывшего Сибирского юрта также не проявили солидарности с Кучумом. Потеря ханом поддержки этих народов в историографии объясняется их этнокультурными различиями, межплеменными распрями и не вполне легитимным ханским статусом Кучума («узурпатор»). В. В. Трепавлов полагает, что, возможно, «все эти факторы действительно имели значение», но предлагает еще одну причину: потеря Кучумом трона привела к утрате им такого атрибута всякого государя, как «небесное избранничество, харизма правителя». Помогать ему означало «вступить в противоречие с волей потусторонних вершителей земных судеб» (с. 427–428). В 1580-х гг. только мансийское Пельымское княжество и селькупское княжество Пегая Орда пошли на заключение союзов с Кучумом, но русские воеводы разгромили в 1593 г. Пельымское княжество и в 1596 г. Пегую Орду.

Отсутствие союзников позволило Кучуму совершить только один поход к Тобольску в 1590 г., в результате которого были разорены Курдакская и Салымская волости тобольских татар. В. В. Трепавлов считает, что целями похода были грабеж и возмездие татарам за переход

на сторону русских (с. 37). В августе 1591 г. тобольский воевода нанес поражение Кучуму, после чего хан откочевал в степи между устьями Тары и Ишима. В 1594 г. была основана Тара, а в 1598 г. ее младший воевода А. Воейков нанес последнее поражение Кучуму. Хану удалось бежать, но не позднее 1601 г. он умер.

После смерти Кучума его старший сын Али был провозглашен ханом. Однако верховная власть в Русском государстве «не желала видеть в нем законного правителя Сибирского юрта и, соответственно, признавать за ним монархический статус» (с. 77). Али удалось консолидировать вокруг себя до полутора тысяч татар, башкир-табынцев и ногаев. Он продолжил борьбу против Русского государства, которая «сводилась к набегам на русские деревни и изредка крепости, на селения татар» (с. 67). В 1607 г. Али был разгромлен казаками и вскоре пленен. После этого положение Кучумовичей определялось их союзом с ойратами. С конца 1620-х гг. их зависимость от ойратов все более возрастала. По мнению Л. П. Потапова, с этого времени они стали марионетками в руках «ойратских феодалов». В. В. Трепавлов поддерживает эту позицию: «Хотя принимать Кучумовичей за абсолютных марионеток при тайшах кажется преувеличением их зависимости, в целом мы солидарны с... интерпретацией Л. П. Потапова» (с. 101).

К сожалению, В. В. Трепавлов не акцентирует внимание на образовании ойратами в 1635 г. Джунгарского ханства и пожаловании далай-ламой его первому правителю Батуру титула Эрдэни-Батур-хунтайджи, то есть владетельного князя. В 1671 г. новым правителем Джунгарии стал Галдан. В 1679 г. далай-лама пожаловал его почетным титулом Бошокту-хана. В эти годы Кучумовичи попали в полную зависимость от ойратов. В конце 1670-х гг., по сведениям сибирских воевод, царевич Дюдюбак б. Аbugай был взят Голдан-ханом в плен, а затем отпущен в кочевья тайши Малая, но при условии, чтобы он был «во всем им, тайшам... послушным» (с. 127–129). С середины 1680-х гг. Кучумовичи перестают упоминаться в документах.

Исследование В. В. Трепавлова заставляет усомниться в выдвинутом им во введении тезисе о том, что «клан Кучумовичей воспринимался недовольными коренными сибиряками как альтернатива московскому “белому царю”, как законные, “природные” правители края...» (с. 7–8). Он сам в последующем доказывает, что народы бывшего Сибирского юрта усомнились в Божественном избрании Кучума и перенесли эти чувства на всех Кучумовичей, «все менее успешных и временами жалких в своем скудном прозябании». В. В. Трепавлов утверждает: «Принцы-“казаки” никогда не обладали достаточным авторитетом, военными силами и материальными ресурсами для мобилизации вокруг себя сколько-нибудь заметных массовых движений. Как правило, они присоединялись к восстаниям, начавшимся без их участия, и иногда довольствовались почетным рангом номинальных лидеров повстанцев» (с. 429).

Напротив, обоснованным представляется вывод В. В. Трепавлова о том, что набеги Кучумовичей на русские, татарские и башкирские поселения являлись «грабительскими нападениями», в ходе которых царевичи пытались, «во-первых, добывать себе пропитание, скот и прочие необходимые для жизни ресурсы; во-вторых, доказывать свои лидерские способности окружавшим их соратникам, водить их в походы, давать возможность захватить трофеи и ясырь (пленных)» (с. 8). Жизнь потомков Кучума стала «прозябанием в окружении многочисленных верных подданных», а удержаться в этом состоянии на протяжении нескольких десятилетий в степи им позволил союз с ойратами (с. 7).

А. В. Беляков начинает исследование положения Кучумовичей в Русском государстве с истории их вывоза или выхода из Сибири. Он отмечает, что в конце XVI – начале XVII в. «Москва... хотела избавиться от постоянных набегов Кучумовичей, препятствовавших скорейшему освоению Сибири» (с. 176). Но в последующем отношение к вывозу Кучумовичей в Москву изменилось, так как их демонстрация могла «косвенно свидетельствовать о шаткости царской власти в Сибири, если до сих пор имеются претенденты на наследие Кучума» (с. 434). Особое внимание ученый обращает на потомков Кучума, которые родились уже в России.

В Москве Кучумовичи принимались царем. При пленении оружие у царевичей изымалось. Но отсутствие у них оружия указывало бы на их ущемленный статус. «В пропагандистских целях» Борис Годунов решил вернуть Кучумовичам право обладания оружием, в том числе жаловал их оружием из своих рук (с. 306). Кучумовичи получали материальное содержание, многие были поверстаны в русскую службу. В результате они сумели обжиться, завести большие семьи. Думается, это свидетельствует о гуманном отношении к поверженному противнику в Русском государстве. К сожалению, А. В. Беляков на этом факторе, определившем судьбу потомков Кучума в России, внимания не акцентирует.

О том, что Кучумовичи обжились в Русском государстве, свидетельствуют события Смуты. Как установил А. В. Беляков, только казимовский царь Ураз-Мухаммед поддерживал Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, но в конечном итоге был заподозрен последним в измене и убит. В ответ его приближенный князь Петр-Урак Урусов убил самого Лжедмитрия II. Относительно других Кучумовичей историк пишет: «Однозначно можно утверждать, что все сибирские царевичи поддерживали вначале Лжедмитрия I, а затем Василия Шуйского и Второе ополчение... Они подчас просто плыли по течению, отдав свою жизнь и судьбу на волю случая, но будущее покажет, что их выбор оказался правильным» (с. 363–364).

Анализ частной жизни Кучумовичей приводит А. В. Белякова к выводу о том, что, «за исключением отдельных моментов, связанных с происхождением и религиозными особенностями, быт Чингисидов

в России не отличался кардинальным образом от быта русских служилых людей... Главной отличительной чертой следует признать стремление мемориализировать (даже в мелочах) те аспекты своей жизни, которые особо подчеркивали исключительное положение данной группы людей среди остальных подданных московского царя» (с. 229). В частности, у некрещеных Чингисидов «в Касимове... сложился значительный татарский некрополь. При этом где-то с середины XVI в. он начинает играть роль курука для Чингисидов в России – средоточие их родовых гробниц и обслуживание династических некрополей» (с. 230).

Вокруг каждого Кучумовича складывался свой двор. Постепенно происходило неизбежное упрощение и видоизменение дворов. Членов двора Чингисид содержал из своих пожалований и доходов, жаловал их землями, кормил и одевал полностью за свой счет. Размеры дворов различных Кучумовичей колебались от нескольких человек до нескольких десятков.

Кучумовичи верстались в государеву службу, но возможности для их полноценной интеграции в состав государева двора были ограничены. Как установил А. В. Беляков, они «формально, по своему статусу Чингисидов... уступали... только московскому государю и его детям», почему «их было невозможно вписать в существующую в России систему местнического счета, в соответствии с которой происходили все служебные назначения», и почему «Кучумовичи не служили... в приказах, их не назначали... на воеводские должности в действующую армию» (с. 10).

Главной службой Кучумовичей стала придворная: фактом своего присутствия на придворных церемониях «они должны были подчеркивать статус московского государя (прежде всего в его собственных глазах) как “царя царей”» (с. 10). Ограниченно они использовались на военной службе. Дело в том, что с середины XVI в. военное значение отрядов Чингисидов падает. Имеются скудные сведения о военном использовании дворов служилых Чингисидов в начале XVII в. В 1613–1615 и 1618 гг. царевичи участвовали в осаде Смоленска и обороне столицы. С середины XVII в. Кучумовичи только номинально назначались командирами полков (реально ими командовали московские бояре).

А. В. Беляков устанавливает, что в зависимости от статуса (поверстанные в службу и неслужилые) содержание Кучумовичей можно разделить на положенное всем и только кормовым. Основой материального обеспечения кормовых Кучумовичей были регулярные и экстраординарные денежные и натуральные дачи, которые касались не только самих царевичей, но и их дворов. Кормовые Кучумовичи и те, кто были поверстаны на службу, но не успели получить поместного и денежного оклада, получали поденный корм и питье, а также дачи на корм лошадей, дрова и свечи. К единовременным выплатам всем царевичам относились пожалования на проезд, на избное строение, на одежду, на свадьбу, за принятие православия.

Служилые Кучумовичи обеспечивались поместным и годовым денежным окладом. Он выплачивался реально. С конца XVI в. Кучумовичи начали получать поместья в Елатомском, Касимовском, Шацком и Московском уездах. В XVII в. им стали жаловать поместья в центральных и северных уездах. Крещеные царевичи увеличивали свое землевладение за счет вотчин жен, которые давали за ними в приданое (эти земли оставались в собственности жен). Они и их жены начали заниматься финансовыми операциями, что позволяло им покупать вотчины. Согласно выводу А. В. Белякова, к концу XVII в. землевладение царевичей не отличалось от землевладений иной русской знати. Оно было достаточно крупным, но при этом Кучумовичи ни в коей мере не могли соперничать с поместным и вотчинным землевладением думских чинов.

Наиболее статусной формой материального содержания Чингисидов были доходы с частновладельческих городов. Но к 30-м гг. XVII в. эта форма пожалований отмирает, почему ее успели получить только единицы из Кучумовичей. До начала 1614 г. доходы с Устюжны Железопольской получал царевич Арслан б. Али. Доходы с Касимова получали царь Ураз-Мухаммед б. Ондан (1600–1610) и царь Арслан б. Али (1614–1626).

Заканчивает свое исследование А. В. Беляков анализом статуса Кучумовичей и его эволюцией в XVII в. Он констатирует, что на рубеже XVI–XVII вв. институт служилых Чингисидов претерпевал кризис, обусловленный потерей военного значения их дворов и отказом московских самодержцев от идеи о возведении на престолы соседних государств своих ставленников. При этом уравнивать татарских царевичей с другими служилыми людьми было почти невозможно, так как они «по факту рождения... стояли выше любого боярина и чстью уступали только московскому государю и его детям» (с. 433).

Это обусловило ряд попыток в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича крестить Чингисидов и инкорпорировать их в состав служилого сословия. Но до конца XVII в. Чингисидов так и не удалось вписать в общую среду служилого сословия. При этом они «благодаря бракам стали свойственниками московских государей и породнились со всей виднейшей русской знатью». Только отмена местничества и реформы Петра I по созданию и консолидации русского дворянства привели «к потере царевичами своего особого статуса... а замена титула “царевич” на “князь” окончательно слила их с остальным дворянством» (с. 435).

Как и всякое фундаментальное исследование, монография В. В. Третьякова и А. В. Белякова вызывает некоторые замечания дискуссионного характера. Прежде всего отмечу, что авторы постоянно возвращаются к вопросу, почему Кучуму и его потомкам не удалось сформулировать альтернативы установлению русской власти в Сибири, но внятного объяснения не дают. Думается, объективная причина заключается в том, что кочевая государственность уже изжила себя

в раннее Новое время. Попытка западных монголов – ойратов создать в XVII в. новые кочевые государства – Джунгарское и Калмыцкое ханства – также закончилась неудачно: первое было уничтожено Китаем, а второе стало автономией в составе России.

Спорным представляется тезис А. В. Белякова о Чингисидах как о «лишних людях» в России XVII в. Думается, он опровергается самим автором. Анализируя роль Кучумовичей в период Смуты, историк делает интересное наблюдение: «...Чингисид, и тем более носитель царского титула, автоматически становился центром притяжения мусульман в России» (с. 409). Если это наблюдение верно, то становится понятной та опека, которой окружали Чингисидов в Русском государстве.

Авторы ставят юридические проблемы (суверенитета, династических прав, права внешних сношений, права войны и т. д.), но их историко-правового анализа не проводят. Например, анализ династических прав Кучума и его потомков они сводят к констатации того факта, что только Чингисиды «могли претендовать на тот или иной ханский престол» (с. 11, прим.). Между тем, после того, как далай-лама пожаловал сначала Батуру титул хунтайджи, а затем Галдану титул хана (они Чингисидами не были), потомки Кучума в Сибири превратились в обычных «калмыцких царевичей» (с. 128–129).

Сделанные замечания носят дискуссионный характер и ни в коем случае не призваны как-либо повлиять на общую оценку труда В. В. Трепавлова и А. В. Белякова. Авторам впервые в историографии удалось показать завоевание и ранние этапы освоения Сибири с позиции тех татар, которые не признали русской власти. В монографии дается развернутая история пребывания в степном изгнании хана Кучума и его потомков. Впервые в историографии был представлен портрет Кучумовичей, оказавшихся в Русском государстве. Скрупулезное исследование их генеалогии, быта, статуса и служб в Русском государстве позволяет вновь задуматься о тех политико-правовых средствах, которые использовали московские самодержцы для укрепления единства своей многонациональной и многоконфессиональной страны.

The article was submitted on 05.04.2018